

Chernov, Viktor Mikhailovich

В. М. ЧЕРНОВ

Перед бурей

ВОСПОМИНАНИЯ

Сорус

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА

Нью-Йорк

1953

Савинков резко высмеивал все эти нападки, основанные на незаконном смещении героя рассказа, Жоржа, с автором, а остальных персонажей — с разными его товарищами по боевой работе. Мне казалось ясным, что если Савинков и вложил что-то «свое» в Жоржа, то иное «свое» он вложил в антиподов Жоржа; я знал, что Савинков, хотя и путанно, и слабо, но всё же частично отразил в диалогах «Коня Бледного» кое-какие из глубочайших переживаний таких людей, как Каляев и Сазонов. Я знал, что из своего каторжного захолустья Сазонов требовал, чтобы его тоже исключили из партии, если будут исключать Савинкова. Общее несчастье — открытие провокации Азефа — сняло с очереди вопрос о «Коне Бледном»: вокруг Савинкова сплотилось несколько человек, задавшихся целью новыми атаками «очистить террор от пятна», наложенного участием «великого провокатора»; но слишком ли были неблагоприятны внешние обстоятельства, вмешался ли случай, или Савинков оказался несостоятельным, как «единственный глава» новой террористической организации, только из нее ровно ничего не вышло.

Савинков вернулся к литературе и в «То, чего не было» пробовал продолжить и углубить постановку морально-революционной проблемы, начатой в «Коне Бледном» — без всякого успеха. Высокомерно-пренебрежительное отношение к людям, иссушавшее его душу, могло дать только карикатуристу, а не художника революции. Верные своему догмату свободы мысли и критики, мы предоставили Савинкову право высказаться на страницах «Заветов»: но не мало крупных партийных деятелей осталось «при особом мнении», готовые уже тогда отнестись к Савинкову, как к «отрезанному ломтю». В последнем отношении, пожалуй, они проявили больше проницательности по отношению к будущему, тогда как мы — больше терпимости и уважения к формальным правам всякого несогласно мыслящего члена партии.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Наши взаимоотношения с Польской Социалистической Партией (ППС). — Доклад Пилсудского в Париже накануне 1-ой мировой войны. — Разрыв ППС с ПСР. — Война. — Раскол в социалистических рядах. — Социал-патриоты, интернационалисты и пораженцы. — Циммервальдская конференция.

Канун первой мировой войны для нас был ознаменован внезапным острым расхождением с польскими социалистами в лице известной Партии Польских Социалистов.

С самого возникновения Партии Социалистов-Революционеров у нее как-то почти автоматически установились с ППС самые тесные и даже сердечные отношения. Уже в нашем «надполье», в «Русском Богатстве» Н. К. Михайловского, со всеми польскими делами и проблемами знакомил русскую читающую публику видный член ППС Людвиг Василевский, писавший под псевдонимом Л. Плохоцкого. Естественно, что он в той же роли перешел и в нашу «подпольную» «Революционную Россию». Далее, мы всегда считали себя непосредственными преемниками и продолжателями «Народной Воли»; а одним из ее замечательных организационных достижений считалось заключение федеративного союза с предшественницей ППС, польской партией «Пролетариат». То было формальное закрепление идейной солидарности русского и польского социализма в делах их общей, единой и нераздельной непосредственной революционной войны против самодержавия: «За нашу и нашу вольность!».

В рядах основоположников и ветеранов нашего движения никаких расхождений по вопросу о наших взаимоотношениях с поляками тоже не возникало. Лично я всегда сознавал и

чувствовал себя в этом вопросе политически единомышленными с такими людьми, как Лавров, «бабушка» Брешковская, Шиш-ко, Волховской и др. Не иначе смотрели на дело и люди поколения, непосредственно предшествовавшего моему: Михайлов, Гоц, Минор, Гершуни. Всем нам были чрезвычайно дороги и святы великие традиции русского революционного движения, утверждавшие польско-русское братство еще со времен «декабристов» и кончая идейными основоположниками революционного народничества: Некрасовым, Чернышевским внутри России, Герценом и Бакуниным — за рубежом.

Я пишу это, чтобы объяснить, почему в рядах ППС господствовало тогда величайшее доверие к нашей партии и высокая оценка ее высоко над международными распрями поднявшейся *всечеловечности*. Но именно поэтому, помню, нас пахнуло чем-то необычным и тревожным от выступления Иосифа Пилсудского в начале 1914 г. Этот властный и энергичный лидер польского социализма всегда производил на меня такое впечатление, что социализм у него был лишь средством, а национализм целью. И оно было только подкреплено прочитанной им в Париже в январе 1914 года в зале Географического Общества лекцией, оставившей сильное впечатление.

Лектор показал себя человеком, знающим, чего он хочет, умеющим зорко следить за направлением общего хода событий, не боящимся предвидеть и предрекать ближайший их оборот и с ним сообразовать свою тактику. Пилсудский уверенно предсказывал в близком будущем австро-русскую войну из-за Балкан. Не было у него сомнений и в том, что за Австрией будет стоять — да и теперь уже скрыто стоит — Германия. Он высказал далее уверенность, что и Франции нельзя будет, в конце концов, остаться пассивным зрителем конфликта: день, в который Германия вступится открыто за Австрию, будет кануном того дня, когда Франции придется, в силу связующего ее договора, вмешаться на стороне России. Наконец, Британия, полагал он, не сможет оставить на произвол судьбы Францию. Если же соединенных сил Франции и Англии будет недостаточно, они вовлекут рано или поздно в войну на своей стороне и Америку.

Анализируя, далее, военный потенциал всех этих держав, Пилсудский ставил ребром вопрос: как же пойдет и чьей по-

бедой кончится война? Ответ его гласил: Россия будет побита Австрией и Германией, а те, в свою очередь будут побиты англо-французами (или англо-американо-французами). Восточная Европа потерпит поражение от Европы Центральной, а Центральная, в свою очередь, от Западной. Это и указывает полякам направление их действий...

Не могу похвалиться проницательностью: меня осаждали самые разнообразные колебания и сомнения. Да, полагал я, гипотеза Пилсудского не исключена. Но ведь, если Россия потерпит ряд поражений, полунемецкая дворцовая камарилья сумеет примирить Николая с Вильгельмом не чересчур дорогой для первого ценою: они как-нибудь по-новому сговорятся о Польше, но никаких «освобождений» из этого для поляков не получится: просто германская доля в Польше увеличится за счет русской. Я, увы, никак и представить себе не мог, чтобы Россия была выведена из войны и на время превращена в германского вассала какими-нибудь другими руками, а не руками Дурново и Протопопова, всегда предпочитавших сохранение дружбы с Германией. Того, что произойдет на самом деле, никто представить себе не мог: Пилсудский тоже не был исключением. Без этого никем не угаданного оборота событий план Пилсудского оказался бы карточным домиком, мечтой политического комбинатора. На этот раз, однако, история обманула все предвидения и все расчеты; но обманула так, что Пилсудский вышел на первых порах несомненным бенефициантом создавшейся конъюнктуры.

В чем должна состоять польская тактика, Пилсудский в своей лекции намекал. Но Пилсудский, видимо, считал нужным объясниться с нами напрямик и расшифровать всё, о чем в зале Географического Общества говорил обиняком. Ко мне от ППС (тогда это значило от Пилсудского) явился для совершенно конфиденциальных разговоров старый польский революционер и социалист Иодко (если не ошибаюсь, он кончил жизнь послом Речи Посполитой в Константинополе).

Этот разговор в моей памяти останется, как один из самых замечательных, которые мне приходилось вести. Длился он очень долго. Чем дальше подвигался он вперед, тем больше оба мы становились внутренне взволнованными; но именно потому в самых трудных пунктах мы держались с ве-

личайшей сдержанностью. В конце концов, понимали мы друг друга с полуслова и «агитировать» друг друга не собирались. А что мы встретились друг с другом не для того, чтобы вести переговоры, а объясниться и распрощаться, это, надо думать, Пилсудскому с самого начала было ясно, а для меня выяснилось тотчас, как только его посланник коснулся самого существа дела.

— Против истории идти нельзя, нельзя «переть против рожа», — говорил он, — не менее абсурдно было бы для нас остаться простыми зрителями событий. Это возможно для кого угодно, только не для нас, поляков. Кто в критический, поворотный момент истории не хочет встать ни на одну из борющихся сторон, тот ничего, кроме тумачков, ни откуда не получит. Если наша партия своего выбора не сделает, то поляки Кракова и Познани будут драться в рядах немецких армий против поляков Варшавы, Лодзи и Люблина. И мы окажемся, если не виновниками, то попустителями этого ужаса: брат, идущий на брата, без того, чтобы Польская Социалистическая Партия указала им выход из трагического тупика! Нет, наша партия этого не переживет. Мы не можем и не должны дожидаться того момента, когда половина поляков окажется мобилизованной в австро-германскую армию, а другая — в русскую, для целей полякам одинаково чуждых. Иного выхода нет. Мы сами должны мобилизовать всех поляков, и во имя лишь общей нашей цели: освобождения Польши, всей Польши.

— Это неплохо звучит в теории, но как это будет выглядеть на практике?

— Просто и ясно. Если первым, предварительным результатом войны будет поражение России, мы прежде всего должны добиться освобождения русской части Польши, тем более, что она и самая большая и наиболее исконно-польская из трех ее частей. Скажите мне прямо: имеем ли мы на это право или не имеем?

— Вы имеете право не только на это; но и на большее: на воссоединение всех трех частей. Но вопрос не в «праве», а в том, как это право реализовать. Вы же ведь не думаете, что на это вы будете иметь санкцию Германии и Австрии?

— А почему нет? На это будет тем больше шансов, чем

успешнее польская военная сила параллельно с германской будет очищать губернии «царства польского» от русской власти и ее сил; и чем большим подспорьем для ликвидации русской власти над Польшей будет нами организованная польская партизанщина, дезорганизующая коммуникации и вообще тыл русских армий.

— В войне нет просто параллельных действий против общего врага, а есть действия союзные.

— Это почти так, и всё же не вполне так, — история знает примеры параллелизма действий и без настоящего союза.

— Во-первых, очень плохие примеры, весьма несовершенные, по сравнению с примерами действий формально объединенных. А, во-вторых, простой параллелизм действий еще возможен там, где действующие против одного врага силы имеют каждая свой отдельный фронт и свою отдельную базу. А тут база противорусской войны может быть только целиком в немецких руках, а это ставит вас в полную зависимость от немцев: не обманывайте же самих себя.

— Пусть так, не спорю, и понимаю, что это — особенность положения, очень для нас неблагоприятная. Но над этим мы не властны.

— Значит, вы будете организовывать польские бригады, инкорпорированные в германскую армию? Вы будете частью силы, враждебной России и ее союзникам?

— Я буду с вами совершенно откровенен — только, разумеется, то, что будет мною здесь сказано с глазу на глаз, публичному оглашению не подлежит. Мы уже теперь усиленно подготовляемся на случай все-европейской войны. Да, мы готовы инкорпорироваться в одну из собирающихся действовать на русско-польской территории армий. Только мы предпочитаем германской армии — австрийскую. У нас в Галиции уже идет военная подготовка польских военных кадров... Австрию мы предпочли Германии, потому что она слабее и ей можно будет ставить условия.

— А с ее стороны не будет условий — вроде принца из абсбургской династии на польском престоле или, как наименьшее, ограничение будущего польского государства размерами только русской части Польши?

— Предположим. Однако же, с польской точки зрения, независимое государство даже только из одной части, из русской Польши — всё же лучше, чем ничего. Главное для нас — получить какую-либо свою собственную территорию, где будет формироваться самостоятельная польская армия. Не забывайте, что после разгрома царской армии европейский Запад оружия не сложит, и немецкий блок раньше или позже испытает в свою очередь судьбу России. Вот когда наступит время для освобождения и прусской, и австрийской части Польши; а немецкий принц, если таковой будет посажен, будет нами низложен.

— Значит, ваши слова о перемене ориентации на французскую есть заранее предусмотренный и планированный маневр?

— Святая истина, и для Парижа, и для Лондона это не является тайной. Первая фаза войны — мы с немцами против русских. Вторая и заключительная фаза войны — мы с англо-французами против немцев.

С минуту продлилось молчание. Наконец, Иодко снова заговорил:

— Теперь всё сказано. О подробностях и всяких возможных осложнениях будет время говорить и даже подробно дебатировать потом... если окажется, что есть смысл этим заняться. Но прежде всего — основной вопрос. Зная будущую нашу позицию в надвигающейся войне и зная общий наш план вмешательства в ее ход, — сохраните ли вы, сохранит ли ПСР сочувствие нашей освободительной войне, останется ли, в главном и целом, — нашим союзником, соединяющим свою борьбу против царизма с нашей борьбой. Или... или нам грозит расхождение?

Видя, что я молча прошелся несколько раз по комнате, Иодко прибавил:

— Я понимаю, что вы вряд ли решитесь, да и вряд ли вправе дать мне ответ без совещания с другими ответственными товарищами... Мы и сами имеем пока ввиду лишь дать вам повод и материал для такого совещания. Мы еще не воюем, время у нас есть. Да и военные тучи могут рассеяться. Но всё же ведь лучше предвидеть всё на худой конец, не правда ли?

Я вскинулся:

— Нужны ли эти оговорки? По совести говоря, они звучат неубедительно. У вас ведь война имеется в виду не «на худой конец», напротив: вы ведь в сущности возвращаетесь к мотивам времен Мицкевича — «Боже, дай нам европейскую войну, которая освободит Польшу». Вот эта-то ваша психология нас с вами теперь и разводит в разные стороны. Будущая мировая война, если она разразится, будет, с нашей точки зрения, катастрофой, от которой стынет кровь в жилах, и это не позволяет ставить на нее какие бы то ни было ставки...

— О, с точки зрения общей гуманности, — холодно-вежливым тоном, не без оттенка иронии, вставил Иодко, — поверьте, и мы вполне разделяем ваши чувства.

— Нет, вы их не разделяете, ибо они идут гораздо дальше абстрактной гуманности. Поймите же и вы нас. Война расстроит все наши планы и все расчеты, она перевернет всё вверх ногами, всё предоставит бесконтрольной игре слепых, разнузданных сил. Их последствия никем не могут быть предвидены, их величина заранее измерена и взвешена быть не может. В послевоенном хаосе может бесследно погибнуть всё, в чем мы видели лучшее из своих завоеваний, в чем была наша гордость. Тот план, который мы вычитывали и вместе боялись вычитать из парижской лекции вашего лидера, будет одной из дерзновеннейших авантур в истории. Ее успех не вовсе исключен, но если судьба им ее и увенчает, то с дальнейшими неизмеримыми последствиями, которые могут оканчиваться роковыми...

— Ваше пророчество разделяет судьбу всех пророчеств: оно туманно. Вы хотите сказать: «Крез, перейдя Галис, разрушит большое царство». Но вы забываете, что нам терять нечего.

— Терять можно не одни лишь материальные и юридические ценности, но и моральные. Скажу немного. Будь ППС не более, как чисто национальная партия...

— Более глубоко национальной, чем наша партия, в Польше нет!

— Я сказал: чисто национальная. У такой партии план ваш был бы естественным. Националист способен делать са-

мую азартную ставку на всеобщее пришествие «труса, глады, огня, меча и нашествия иноплеменных», лишь бы была достигнута его национальная цель; он не ставит вопроса, не слишком ли дорогою ценою обойдется она всему человечеству. Его лекарства всегда могут оказаться горше самой болезни. Но партия социалистическая может иметь только такую стратегию и тактику, при которой с ней сможет всё время идти в ногу и весь Интернационал.

— До Бога высоко, до Интернационала далеко. Нас сейчас интересует не он, а ваша партия.

— Наша партия? Думаю, что могу уверенно сказать за нее: с болью души нам придется отметить — наш с вами доселе ничем не омраченный союз в борьбе против царизма неизбежно оборвется.

— Как? Вы прекратите борьбу с царизмом?

— Мы ее не прекратим, но воинские части, инкорпорированные в одну из немецких армий, будут всем русским народом встречены, как его враги, а не союзники: ничего другого вы ожидать не можете.

И, на протестующий жест Иодко, я продолжал:

— Понимаю, что вы такими стать не хотите, но объективная логика вещей будет сильнее ваших желаний и субъективных намерений. Величайшее русско-польское отчуждение придет и не думаете ли вы, что из него может родиться в будущем какой-нибудь акт возмездия со стороны России?

— Должен ли я это понять, как угрозу?

— Нет, об угрозе с нашей стороны не может быть и речи. Я говорю не о *нашей* России, — когда-то она будет. Говорю о России, податливой к сведению национальных счетов о России, для которой оправданием противоположских чувств будет то, что она видела вас против себя под знаменем Габсбургов или Гогенцоллернов, для нее это безразлично...

Иодко был, видимо, глубоко взволнован. Надо было кончать. Фразы были излишни. Мы говорили на разных языках.

— Хочу верить, что польский народ когда-нибудь разочаруется в политике дерзновенных международных авантюристов и что его социалистические лидеры захотят вернуться к путям, которые сейчас нас непоправимо разделяют, на те пути,

которые нас соединили и сдружили — смею думать, на благо обоих народов. Верьте, что тогда протянутая вами рука встретит нашу братскую руку, без оглядки на прошлое, со взглядом, устремленным не назад, а вперед.

Иодко поднялся с кресла и взялся за шляпу.

— Мне тоже было больно услышать то, что я сейчас от вас услышал. Хотелось верить, что если уж не вся ваша партия в целом, то хоть лично вы, — мы вас считали испытанным другом Польши, — нас поймете и не обидите порицанием. Но нет: русский поляка, должно быть, никогда не поймет. Вы никогда не бывали в положении подобном нашему. Вам оно так же мало знакомо, как мужчине — муки роженицы. Завтра может быть, поражения русской армии заставят зашататься царский трон — русские почти всегда выигрывали от царских неудач и проигрывали от царских побед — и вы требуете от нас, чтобы мы пропустили этот момент, чтобы мы упустили случай, бывающий раз в столетие, и не попробовали вернуть себе независимость и свободу? Да, я знаю, знаю, — ответил он на мое протестующее движение, — вы скажете, что мы из огня попадаем в полымя, что кайзерское рабство внешним образом культурнее царского, но внутренне опаснее, подсекая глубочайшие экономические корни нашего бытия. Но, во-первых, мы еще посмотрим — откуда вы взяли, что нам к концу войны не удастся и от кайзерского засилья отделаться, как от царского? А, во-вторых, пусть выйдет по-вашему. Но разве нет русской поговорки: хоть горше, да поиному. Так чувствует себя вся русская часть Польши, и мы заодно с ней, мы ее плоть и кровь.

Я заранее решил оставить за Иодко последнее слово и не прерывать его. Но здесь не выдержал и поставил еще один вопрос:

— Если я правильно вас понял, вы принятие вашего «плана кампании» не ставили в зависимость от того, какое он встретит отношение со стороны нашей партии? Мы стоим перед совершившимся фактом, и решение ваше окончательное?

— Да, точно так. Вы не ошиблись. Можно сказать: «жребий брошен».

И, пробормотав еще какие-то неловкие и стесненные

прощальные слова, мы разошлись... Иодко, во всяком случае, пожелал нашей партии лучших успехов во всех ее начинаниях. Я, по совести, не мог ответить ему тем же и пожелал Партии Польских Социалистов благополучно пережить ждущие ее тяжелые испытания...

Чего-то подобного я уже ожидал и опасался. И всё же мне было неизъяснимо тяжело.

**

Едва успели кое-как зарубцеваться раны, глубоко врезавшиеся в тело партии «черным годом» раскрытия центральной провокации, как на нее налетел другой, на этот раз всеевропейский шквал — первая всемирная война. Внутренним разладом, трениями и расколом отозвалась она на социалистических партиях всего мира: но русский кризис по остроте не имел равного.

Когда разразилась война, я встретился с Б. Савинковым и П. Карповичем. Втроем мы подробно обсуждали создавшуюся ситуацию. Всецело поддерживаемый Карповичем, я развивал ту точку зрения, что эта война будет величайшей катастрофой для социализма, для демократии и вообще для всей европейской цивилизации; что она не может быть «нашей» войной, что она нам — чужая; что просто встать за «тех» или «других» из двух воюющих лагерей для нас, как социалистов, было бы идейным и моральным самоубийством; что мы должны плыть против течения и звать охваченных массовым военным психозом «опамятоваться». Я даже пытался анализировать возможные последствия трех исходов войны: 1) «вничью», по невозможности довести войну до конца из-за отказа разочаровавшихся в военных иллюзиях масс; 2) победа Антанты и 3) победа блока центральных держав; первый, в моих глазах, был самым желательным, второй — меньшим злом сравнительно с третьим. Савинков выждал, пока не высказались до конца я и Карпович (который впоследствии мне сообщил разгадку — у Савинкова никакого своего мнения не было). Затем он категорически заявил, что в общем с нами согласен; но ко всем выкладкам о возможных последствиях разных исходов относится скепти-

чески: всё это гадание на кофейной гуще. Перейдя на рельсы метафизических и религиозно-этических мотивов, знакомых нам по «Коню Бледному» и «То, чего не было», он заявил, что его отношение к войне исчерпывается тем, что сказал бы о ней Толстой: бросьте убивать друг друга, бросьте каждодневно совершать величайшие греховные ужасы, перестаньте быть сумасшедшими и омрачать свою совесть, свое моральное сознание дикими воинствующими выкриками. Только в этом — правда, всё остальное — ложные умствования, националистические или интернационалистические, равно суетные.

В это время мне — бросившемуся в изучение учебников и монографий по тактике, стратегии и философии войны, а также всего, что к ней относится, было предложено писать о войне в газету «День». Я согласился, ибо война подрезала все источники моего материального существования, и поделился этим заработком с Савинковым: он взял на себя внешнюю сторону военных действий, я — теоретическое «освещение» (конечно, цензура скоро доказала мне полную утопичность моего предприятия). Савинков стал «военным корреспондентом», вошел в круги французского офицерства, и скоро я, к своему крайнему изумлению, стал читать вышедшие из-под его пера бойкие, живые и благонамеренные антанто-патриотические очерки, в которых и следа не было того абсолютного морального неприятия крови, о котором я так недавно от него слышал.

Натансона новый кризис застиг врасплох. Когда, наконец, нам, застигнутому войною в разных странах — по преимуществу во Франции, Италии и Швейцарии, удалось съехаться на совещание в Лозанне, обнаружилось, что Натансон держится «сам по себе», не примыкая всецело ни к одному из двух разошедшихся течений партии. Одних, после факта разрыва всей европейской цивилизации на два схватившихся в смертельном поединке, более всего мучил паралич, охвативший Социалистический Интернационал, и первоочередной задачей ставилось его восстановление и выработка общесоциалистического плана сокращения периода мировой бойни, замена ее «справедливым демократическим миром» и международным правовым порядком, исключавшим новые войны. Другие видели в этом полнейшую утопию;

они приветствовали то, что война всех нас «спустила с облаков на землю, и каждого на его родную землю». Для России это значило: во имя патриотизма забыть или, точнее, временно отложить все свои счета с самодержавием и союзными с ним социальными слоями, поставить главной задачей — единство общенационального фронта для совместной с союзниками военной победы, лишь после нее и на ее фоне произвести великое внутреннее преобразование России. Вместе с этим последним Натансон считал тогда дело Интернационала проигранным и восстановление его не реальным; но, в противность им, победа царской России окрашивалась для него в самые темные цвета...

Где же выход? Он предлагал такой прогноз, как самый вероятный: победа, в конце концов, будет идти с Запада на Восток, только две половины пути история пройдет в обратном, так сказать, порядке. Сначала Россия будет побеждена союзом центральных империй, а потом германские и союзные с ними армии потерпят поражение от собравшегося с силами Запада. Эта точка зрения была им заимствована у Пилсудского.

То была макиавеллистически задуманная и сулившая непосредственный успех международно-политическая авантюра крупного калибра. Правда, успех ее создавал бы для Польши с двух сторон мощных врагов, едва ли способных забыть новому молодому государству его «двойное коварство»: немцев и русских. При территориальной же отдаленности Запада едва ли было правильно всецело положиться на его защиту в момент, когда два соседа проникнутся мыслью, что месть сладка и что расплющить Польшу между немецким молотом и русской наковальней — предприятие вполне осуществимое и обоюдовыгодное. Дальновзоркость плана была сомнительна; но таковы все авантюры. Самый же план ее осуществления, надо отдать ему должное, имел в своей основе достаточно проницательный анализ ближайшего хода событий и достаточно приноровленную ко всем его изгибам тактическую линию поведения.

Что план Натансону вчуже импонировал, понятно. Но каким образом можно было нечто подобное изобрести с русской стороны?

Савинков, вместе с подпавшим под полное его влияние Борисом Моисеенко — дебютировал «открытым письмом» к нам, где заявлял, что всякий, кто во время войны позволит себе сделать хоть шаг, направленный против царя или против капитализма, тем самым сделает шаг, направленный против России. После этого всякие отношения с Савинковым были у нас порваны. Он занялся работой над сближением народнических социал-патриотов с марксистскими: сводил Н. Д. Авксентьева и И. И. Бунакова с Г. В. Плехановым и Г. А. Алексинским.

Последние вскоре начали издавать в Париже совместно журнал «Призыв», в котором сотрудничали также А. А. Аргунов, Борис Воронов и др. с.-ры.

Мы, интернационалисты, издавали ранее «Жизнь», а потом «Мысль».

Война разрушила международные отношения социалистических партий, Интернациональное Социалистическое Бюро не функционировало. Нормальные связи его с партиями и союзами прервались.

Социалистическими партиями нейтральных стран делались многократно попытки восстановить интернациональные связи пролетариата с целью вызвать его, согласно постановлениям социалистических конгрессов в Штутгарте, Копенгагене и Базеле, на общую акцию против войны и в пользу мира. Такова была цель состоявшейся в сентябре 1914 года в Лугано италяно-швейцарской конференции. Эту же цель ставил себе лидер голландских социалистов Троельстра, предпринявший объезд некоторых стран. Результатом этого объезда явилось перенесение Международного Социалистического Бюро из Брюсселя в Гаагу. Создать же почву для совместной работы социалистических партий ему не удалось.

В январе 1915 года состоялась в Копенгагене конференция социалистов северных нейтральных стран. Конференция эта ограничилась формулировкой всеобщей программы мира, не входя в обсуждение средств ее реализации. Затем в частной, полуофициальной форме делались шаги перед М.С.Б. в тех же целях воссоздания порванных международных связей пролетариата. Но социалистическая конференция стран «согласия» в Лондоне, как и конференция социалистов двойствен-

ного союза (Германии и Австро-Венгрии), показали, что все такие попытки обречены на неудачу и что дальнейшие шаги в этом духе вряд ли приведут к лучшим результатам. Подтверждением этому послужил следующий факт. Когда Ц. К. швейцарской партии обратился к М.С.Б. с предложением созвать его пленарное собрание с привлечением представителей отдельных стран, французская партия отказалась дать на это согласие. Наконец, швейцарская партия в согласии с Ц. К. итальянской партии пригласила социалистические партии нейтральных стран на съезд, который должен был состояться 30-го мая в Цюрихе. Но большинство приглашенных партий либо совсем не ответили на предложение, либо ответили отказом.

Все эти попытки восстановить интернациональные социалистические связи ясно показали, что не только общая акция социалистических партий разных стран, но даже простой, ни к чему не обязывающий обмен мнений между ними совершенно невозможны, покуда большинство партий стоят на почве патриотизма и военной политики своих правительств.

Учитывая все эти обстоятельства, Ц. К. итальянской партии постановил 15-го мая 1915 г., руководствуясь докладом Моргари, который вел переговоры с социалистами воюющих и нейтральных государств, взять на себя инициативу созыва международной конференции. Приглашения были разосланы всем партиям, рабочим организациям или отдельным группам, раз только было известно, что они стоят на почве старых положений и постановлений Интернационала, всем тем, одним словом, от которых можно было ожидать, что они предпримут одновременно общую кампанию во всех странах против войны.

Согласно постановлению Ц. К. итальянской партии были предприняты, шаги, приведшие первоначально к предварительному обмену мнений между представителями воюющих и нейтральных стран, что имело место 11-го июля 1915 года в Берне. Здесь были намечены главные положения, которые должны были лечь в основу предполагавшейся конференции. Было постановлено, что будущая конференция ни в коем случае не должна взять на себя задачу создания нового Интернационала. Задача конференции усматривалась в призыве пролетариата к *общей акции в пользу мира*, в создании в этих

целях активного центра, в попытке вернуть пролетариат к его исторической миссии. Поэтому было решено пригласить на конференцию все организации и группы, которые готовы открыть кампанию против войны, игнорируя их принципиальные различия в области теоретического обоснования социализма.

Конференция была созвана 5 сентября 1915 года в Циммервальде (Швейцария). Заключительная часть единогласно принятого конференцией манифеста гласила:

«Мы, представители отдельных социалистических партий и синдикатов, или меньшинств в этих организациях, мы — Немцы, Французы, Итальянцы, Русские, Поляки, Латыши, Румыны, Болгары, Шведы, Норвежцы, Голландцы, Швейцарцы — мы, стоящие не на почве национальной солидарности с классом эксплуататоров, а на почве интернациональной солидарности пролетариата и классовой борьбы — собрались, чтобы вновь связать разорванные нити международной солидарности и призвать рабочий класс к возрождению своего самосознания и к борьбе за мир.

Эта борьба есть в то же время борьба за свободу и братство народов, борьба за социализм. Задача состоит в том, чтобы предпринять выступление за мир без аннексий и контрибуций. Но такой мир возможен лишь при условии решительного осуждения всякой мысли о насилии над свободой и правами народов... Никакая военная оккупация целых стран или отдельных провинций не должна завершиться их насильственным присоединением. Никаких аннексий — ни явных, ни замаскированных. Никаких навязанных извне хозяйственных или таможенных союзов, тем более невыносимых, что они неизбежно влекут за собою умаление политических прав включенной страны. Признание за народностями права располагать своею собственной судьбой.

С самого начала войны вы предоставили всё — ваши силы, ваше мужество, вашу стойкость — к услугам правящих классов, для междуусобной, братоубийственной войны. В настоящий момент дело идет о том, чтобы, оставаясь на почве непримиримой классовой борьбы, двинуться в поход во имя своего собственного дела, во имя святого дела социализма, за освобождение угнетенных народов и поработенных классов.

Обязанность социалистов всех воюющих стран — вести эту борьбу со всей энергией и пылом. Обязанность социалистов всех нейтральных стран — поддерживать всеми подходящими средствами своих собратьев в их борьбе против кровавого варварства.

Никогда еще история не предъявляла задачи более благородной и более насущной. Нет ни усилий, ни жертв, которые были бы слишком велики для того, чтобы окупить намеченную цель: восстановление международного мира. К вам, рабочие и работницы, к вам, матери и отцы, вдовы и сироты, к вам, раненые и искалеченные, к вам всем, жертвам войны, взываем мы: протяните друг другу руку через все пограничные линии, через поля сражений, через руины городов и сел, —

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

За русскую делегацию манифест подписали: В. И. Ленин, П. Б. Аксельрод и М. А. Натансон. Натансон был делегирован интернационалистическим большинством заграничной делегации нашего Ц. К. Я был делегирован организацией, издававшей эс-эровскую интернационалистическую газету «Жизнь», которая ранее выходила в Париже, а потом в Женеве. Я внес поправку к манифесту, но конференция ее отвергла.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

1917 год. — Через Англию и Швецию в Петроград. — В революционной столице. — Абрам Гоц. — Народ и революция. — «Бабушка», Натансон, Авксентьев, Минор, — И. Г. Церетели и Н. С. Чхеидзе.

Всех треплет лихорадка: домой, домой! Множество долгих и нудных перипетий с разрешениями, визами — выездными, проездными и въездными. И, наконец, — узкий грузовой пароходик, пересекающий из «засекреченного» порта северной Шотландии, под эскортом двух миноносцев, бурное Северное море...

Что ждет нас там? В Лондоне удастся бросить первый взгляд в короткие информационные бюллетени первых дней революции. В Стокгольме — первые случайные номера петроградских газет. В них приковывает к себе знакомое имя — Абрама Гоца.

После поражения революции 1905 г. Гоцу пришлось пережить восемь долгих лет каторжных работ в Александровском Централе близ Иркутска. Срок его каторги кончился в 1915 г. Он вышел в «вольную команду» и вместе со своей семьей поселился в с. Усолье близ Иркутска, откуда ухитрился участвовать в редактировании ежедневной иркутской «Сибири».

Теперь из петроградских газет я узнаю, что с Гоцем на Петроградской конференции борется группа, возглавляемая Б. Камковым. Это — один из моих учеников, известный мне своей страстностью и отсутствием чувства меры.

Над Торнео, с «той стороны» шведско-русской границы — красное знамя. Но в таможене — личный обыск не менее строгий, чем где бы то ни было в условиях военного времени. Далее — горы, речки, озера Финляндии: поезд быстро глотает

Czerwon, W.M.

Przed buriej. Wspomnienia

New York, 1953

Fator dobry polski tekst "wiadomości"

No 345/1952

Dar

p. E. M. ~~Microbrachij~~

Wiktoria Michajłowicz Czernow

Reviol Buziej. (Wospomiucania).

Wydauciuo im. Czernowa

New York, 1953.

Rodoliat osmnasty. Str. 295-304.

W wstępie autor charakteryzuje wzajemne sto-
sunki między rosyjską Partią Socjal-Rewolucjo-
nistów i P.P.S., podkreślając polsko-rosyjskie
braterstwo w wszechrosyjskim ruchu rewolu-
cyjnym. Tym wzajemnie przeto wzajemnie
wymawia na Czernowic wykład przez Józefa
Piłsudskiego na początku 1914r., które swoje
wzajemności obudził w nim niepokój.

„Ten wstąpił i energiczny lider polskiego
socjalizmu, pisat Czernow, zawsze wywierał
na mnie wrażenie, że socjalizm był dla niego
tylko środkiem, wato miał cellem - nacjo-
lizm. To wstąpił wzajemnie ugruntował w mnie
odczyt Piłsudskiego w styczniu wygłoszony
w styczniu 1914r. w sali Towarzystwa Geograficz-
nego w Paryżu.

Prelegent okazał się człowiekiem światłomy-
ślnym, czego chce, zadowolonym wyrazem i dobre
wrażenie porannego zapanu, bez obawy
prowokować i przedstawiać ich ~~sta~~ najbliższy
preleg i dostosowywać do wstąpił wstąpił
taktyki. Piłsudski z przewidywaniem przewi-
dował w najbliższej przyszłości austriacko-
rosyjskiej wojny z powodu Balkanu. Nie
miał on wątpliwości co do tego, że za Austrii
oponnie się Rosza, która i która stawała

Stwierdził generał Aleksander Karbutt Łucyński

2

jej utajoną, podporą. Następnie wy-
mógłbył przekonanie, że Francja także
nie porzekała brytyjskiej strategii
konfliktu: dzięki jawnego poparcia
Austrii przez Niemcy stawienie się zapowiedzi
wystąpienia Francji po stronie Rosji
i związku z obowiązującym państwem
sojuszem. Kresenie N. Brytania, szlach
Pitubski, nie będzie mogła porzucić
Francji w tej sprawie. Jeżeli zaś
we wystąpieniu potężnej siły Francji
i Anglii - przetrzeć potęgę pryncypa-
lów na swojej stronie i strony Zjedno-
czonej.

Następnie, kwalifikując potencjalny
wzrost tych państw, Pitubski posta-
wił obywatelstwo pytanie: jaki będzie przebieg
wojny i czyim zwycięstwem się skończy?
Obrotowo odpowiedź: Rosja zostanie pobita
przez Austrię i Niemcy, że zaś z kolei - przez
siły franko-brytyjskie, względnie przy
współudziale amerykańskich. Wschód
Europy ulegnie centralnej Europie, a
zaś padnie pod ciosami Zachodu.
Ten przebieg staje się drogowskazem
dla Polaka i drżania Polaków.

Nie mogą pochwalnie się przewidywać;
opracowały miłe rozmaite nadzieje i
wątpliwości. Rozumowatemu, że hipoteza
Pitubskiego nie da się wykuczyć.

Jednocześnie w wypadku szeregu porażek
 północnego kampanii dworska zdołała
 precyzyjnie poprzedzić Mikołaja z Wilhelmem
 nawet bez przesady w wysokości strat dla
 Rosji, o których powonnie dogadają się
 w sprawie Polski, gnieźąc m. in. kłopoty
 siostrze Polaków, i zwracając dotychczas
 udział Niemiec kosztem rosyjskiego ra-
 botu. Miałoby, nie byłoby w sprawie umowy
 i Tomie' sobie możliwości uchywienia z Rosji
 nawet czasowego kanała Prawy przez tego
 innego w i rękami Darmowa i Protopopo-
 ne, statych zwolenników przywrócić rosyj-
 sko-niemieckie. Tego, co miała się stać
 w rzeczywistości, nikt nie mógł przewi-
 dzieć, że wyjąwszy Piłsudskiego.

Gdyby nie ten niezwykły obrót
 wydarzeń - plan Piłsudskiego stałby się
 domkiem z kart, manewrem politycz-
 nego gracza. Tym razem jednak hi-
 storia wywróciła kartki przewidywania
 i zwyciężyła; ale zwyciężyła im w ten
 sposób, że Piłsudski stał się uwarunk-
 owany i w tym samym czasie wytwor-
 nowej koniunktury.

Piłsudski wprowadził ^(mówił) w swym od-
 kryciu o zwycięstwie przewidywan-
 polskiej kluczy, niemniej jednak
 niedocenił odroczenia potrzeb bezpo-
 średnich wyjasnień ^(ogólnie) wypracowanych

4
publikowane ogólniejsze. W tym celu
zjawili się u mnie przedstawiciele P.P.S
(co wtedy było równoważone z Piłsud-
skim) dla stary polski rewolucjonista
i socjalista Jodko - z zamierzeniem odbycia
poufnych rozmów.

Była to dla mnie jedna z naj-
bardziej namacalnych rozmów, jakie
zauważyłem. Tym otworem, tym ~~głębokim~~
ponadpowstałym i niewygodnym wzburzeniem,
i dlatego właśnie w najtrudniejszych
jej momentach stalinizmy się zachowa-
ła jak najczystsza i wstrętniejsza. W re-
zultacie rozmów z Jodką, widać było
bez potrzeby wstępując do najciemnej
agencji. Dla Piłsudskiego ^{naprawdę} było jasne,
od pierwszej chwili, że misja Jodki nie
miała celu przeprowadzenia i ujęcia
restrakcji, że chodziło raczej o wyjaś-
nienie i rozjaśnienie się, natomiast ja
zrozumiałem jej istotę dopiero wtedy,
gdy jego przedstawiciel dobiegł do
sprawy.

"Nie można iść przeciw historii - mówił Jodko -
nie mniej absurdalna byłaby dla nas rola zwykłych
obserwatorów wydarzeń. Jest to możliwe dla bog-
kotwick, ale nie dla nas, Polaków. Kto nie chce
krytycznego pretensji historii nie opowie się po
jednej z walących stron - ten nie uzyska
znikąd nie prócz tłumaka. Jerzy uosza

5
partja nie ucywi wyboru, to krakowiaczy i porucznicy będą się bitli z rannymi armij burmistrz z Tolaloumi z Warszawy, Lodzi i Lublina. Nas wtedy obeizy od porrobratowosc zato, ze P.P.S. dopuscita do tej okropnosci ze brak ponocit pomoc braku, ze nie kwalifikujemy wyjścia z tej tragicznej sytuacji. Nie! nasza partja nie pozwoli by tego. My nie możemy i nie pozwolimy obrotowi chwytli mobilizacji jednej potony Polakow pner armie austro-wroclawie, drugiej potony pner armie rosyjskie dla celow nam jedualo obcych. Niema i czego wyjścia. My sami powinniśmy z mobilizowac wszystkie Polakow i to x imię wspolnego wrodz-nego celu: wyzwolenia całej Polski."

"To wiec brzmi w teorii - odroczem, ale jak będzie wyglądać w praktyce?"

"Prosto i jasno - odporowad ludu. Jeżeli przewidywanym skutkiem wojny będzie klęska Rosji - powinniśmy przede wszystkim uzyskac uwolnienie rosyjskiego robotu, tym bardziej, że jest on najwęższym i najbardziej polski wśród klockow części Polski. Porrobrac otwarac - czy mamy do tego prawo, czy nie?"

"Macie do tego prawo do tego, i jeszcze do czegoś więcej; nie zjednoczenie wszystkich klockow robotow. Ale ~~z~~ istota zagadnienia wiec lezy w "prawie", lecz w możliwości jego realizacji. Chyba wiec myślicie, że na takie rozwiązanie będziecie mogli być

miec zgodę Niemiec i Austrii?"
 Na to Jodko: "A czemu by nie? Granice
 nasze będą rosły w miarę pomysłowego ocy-
 szenia obszaru Królestwa z rosyjskich
 ziem i sił przez polskie siły wojenne równo-
 ległe z niemieckimi oraz w miarę rozwoju dzie-
 łani naszej partyzantki, oraz organizującej ko-
 munistycznej i tytu rosyjskich armij."

"No ja nie zna równoległych działań przez
 wspólnemu wrogowi - obiektem, zna tylko dzie-
 łania sojuszników."

"Prawie tak, ale nie zupełnie - odparł Jodko -
 historia bowiem zna przykłady równoległości
 działań bez rzeczywistego sojuszu."

"Zauważyłem: po pierwsze - że przykłady, ca-
 łemu wiekowi we współczesności z przydatkami
 działań formalnie wspólnych, powtórze: zwykły
 paralelizm działań jest możliwy tam, gdzie
 działające przeciw wspólnemu wrogowi siły każdej
 strony mają swoją własną front i swoją osobną
 barę. Natomiast w danym wypadku barę
 przeciwrosyjskiej wojny może być tylko katoli-
 cze i rzymskie niemieckie, co uderza w nas abso-
 lutnie od Niemców, a nie we oszczędnie siebie
 samych."

"Niekoniecznie będzie, nie sprzeczą, ale ten
 rozumieniem, że to wyjątkowo niekorzystne
 dla nas położenie, któremu nie jesteśmy w stanie
 zaradzić."

"A więc - ciągnął dalej - będziecie organizo-

7
zawali polskie brygady, i ukończą one
do armii niemieckiej? Bóg wie, co sta-
nowi część sił wroga wobec
Rosji i jej sojuszników?

Moi to Jodko: będą z wami repetycje strony,
ale pod warunkiem nieujawniania publicznie
tego, co będzie wypracowane w czasie pracy.
My już teraz przygotowujemy się na wy-
padek wojny europejskiej wojny. Jesteśmy
już gotowi wejść w skład jednej z armii,
której operacje przewiduje się na polsko-
rosyjskiej stronie wojny. Jednocześnie wolimy
mieć do czynienia z armią austriacką, a
nie z niemiecką. Przygotujemy obecnie
polskie jednostki kawalerii w Galicji.

Opowiadamy się w Austrii, powiewa
jest ona słaba w Przesze, i można jej sta-
wić pewne warunki."

"A czy z jej strony, zapytaniem - nie będą
postawione warunki - w rodzaju usięcia i dy-
wizji Habsburgów na polskim terenie, albo
^{skrojenie} ograniczenie obrony pruskiego państwa
polskiego do granic rosyjskiego zaboru?"

"Przyjmujemy - zgodził się Jodko. Ale z pol-
skiego punktu widzenia niepodległe państwo
w granicach tylko jednego - rosyjskiego za-
boru - lepsze, niż żadne. Chodzi o to, czy
o to uzyskanie jakiegoś sukcesu w naszym przy-
stąpieniu, gdzie będzie tworzone polskie siły
zbrojne. Nie zapominajcie, że po rozgło-

mieniu carskiej armii rozkazał nie strzelać
 broni dopóki ~~nie~~ nie będzie blok niemiecki nie
 podreśli losów Rosji. I kiedy właśnie przy-
 dzie loty na uwolnienie niemieckiego i austria-
 ckiego zaborców, a ^{ponuczony nam} i Niemiec książkę zostanie
 wtedy zdofinansowany."

"To znaczy - nadumieniem - warte zgóry
 zaplanowany manewr zmiany orientacji
 w kierunku Francji?"

"Jest to prawda, odpali Jodko. I nie jest
 to tajemnica ani dla Paryża ani dla Lon-
 dynu. W pierwszej fazie wojny i decydują
 z Niemcami przez Rosji; to drugiej, kon-
 cowej znajdujemy się w szereżach anglo-fran-
 cuskich przez Niemcom."

Po drugiej części młocenia Jodko konty-
 nuował.

"Po mediatem wszystko. O drobniarzą
 i możliwych okolicznościach będzie czas mówić,
 a nawet szereżowo debatować, jeżeli to będzie
 miało sens. Teraz wystarczyć cois - zasad-
 uicze pytanie. Skoro poradziszcie sobie punkt
 niemieckiego na nadciągającą wojnę i plan
 wzięcia się u niego n jej breg, czy rozcho-
 nacie wy sami i Partja Social-Revolyucyjna
 przychylny stosunek do naszego ruchu
 wyzwolitego, czy porozumiecie się z
 naszymi sojusznikiem z głowniej sprawie,
 Tęceż wzięcia walki z ewentualnym z naszym
 walka, czy też grozi nam rozysie się?"

9
Wiadząc, że w mitemieniu przemianach kilka
procentów powoj - Jodlew doolat :

" Rozumieniem wazna trudnosci oleczyj;
jak rozmowic niemoznosc odpowiedzi bez uprzedniej
konsultacji z wlasnymi towarzyszami...
Sami zamierzamy wazne dostawczye mar-
szajac olla talrej konsultacji. Pozewowuje-
sere ure wojna - mamy erow. Wreszcie i
chujemy wojenne mogez sie rozycie. Uremniej
jednak lepiej zowczasu przewidziec dy los,
ure prawda? "

" ^{Zachnatam sis} Ewo zapowiedz towarzyszom. Czy potrzebu-
saz te omowienia? Przynowem sie, ze sa one
malo melomnyjace. Precer w waszym
poczciu najwie nie widziacie tego losu, prze-
cimer, kotore rollrechewomem: "Bois,
daj nam nozys europejska, kotora osnowodki
Polshy." J to waszoi psychologia rozdwele
was. Kwaszej ny obratui pomysla wojna
wstratowa bedzie kotkastrofa, sircujaca
krew w iylach, i olla tego me morza uoi niez
stowiac."

" Z punktu widzenia humanitaryzmu
- osiadczyt chlodno umyruym totem Jodko,
niekier mi - podriekamy nasze uowier."

Ula to odpastem: nie, ny ich ure po-
obriciac, gdyi sis goy'z one gdsbiej am-
ieli abstrakcyjny humanitaryzm. Zro-
sumere ter' i uois. Kojer rozstroi wysthke
uowier plawy i rachuby, przewo'ci

wyństwo do goiry uogoceni, roluy'ze uoi
 Tasleq uiektrotonauy ch, stepy ch, rozuzola-
 uych sit. Uastypstwa uie claudra sig pne-
 midrieć, nie sposob emieryc' zowerasu reh
 normiary. W jowojemuyc' chosie more
 rgiuag' usystho, co uwarialismy za swoja
 uajtepsia, rolodycz, zorego bylisimy olumns.
 Plan, ktory wysmulisimy petui obawy z
 paryskiej prelekyi wane go przywodcy,
 bebric jedua, z uajsimielszych awantur w
 lustron. Nie wyklucram jej powolrenia,
 ale jrdli los bebric przyjanny, to dalsze
 jej nieuchwykie uastypstwa mogoz oba-
 zae' sig ztonieszce"

"Nasza pnapowicouia - pnapodiat Joolko-
 uateriy do tego samego neolu usystlich pnapodca
 - jst mglisto. Chetisere pnapodrieć: Krez,
 pieredlia Galis, razrusyit botnoze eadstro
 lre zaponnuafre jedua, ie nie mauny use
 do stracenia".

"Morca tracic nie tylio s uoboy material-
 ue i prawne, lecr takie i moralne - odredem.
 "Potem tylio jedua. Idyby P.P.S. byla
 partja crysto narodowa,.... Joolko pnap-
 rad: ~~bar~~ niema w Polsce bardziej narodowej
 partji uir' nasza!"

Pnapodiatemi crysto narodowa. W kaliej
 partji nat plan bytby repeticie uaktual-
 ny. ^{Nacjonalist sposobien dletaj' sypmuu azarynuuy stawku}
 Uacjonalista jst gotow do hazard
 uanarob szerego pnapodstaje "trusa, glada, ognia i meera i
 narzestnja inoplemionych".

x Nacjonalist sposobien dletaj' samuju azarynuuy stawku
 na usie ob szerego pnapodstaje "trusa, glada, ognia i meera
 i narzestnja inoplemionych"

11
byłoby tylko osiągnięciem wprowadzony cel; nie pyta
o cenę, jaką za to zapłaci ludzkość. Jego lewic-
ska moga się okazać gorsze od samej choroby.
Ale partia socjalistyczna może stosować tylko
taką strategię i taktykę, pool która zawsze
jest gotowa podpisać się coita Misdryuaro-
olortu.

Jodko: Do Boga wysoko, do Misdryuaro-
olortu daleko. Nas interesuje w tej chwili tylko
nana partia.

"Nana partia? Pomocnikiem: sądzę, że
mogę za nią sınıatō odpowiedzialności: z bólem
serca zamierzam beđriemny musiełi oswiad-
czyć, że olotycharasony ničem nie zamącomy
woisz sojun z Wami w trakcie z coratem
zostawie zeważey."

"Jako, zamierzam przerwać walkę z cor-
ratem? - zawołał Jodko.

Odpowiedziałem: nie, my jej nie prer-
wemy, ale odbramy stącrowie oł nreurechiel
armij będz pier uarōł sojyżki potralito-
wawe jako krogie, a nie jako sojuszniere;
nie możemy się spodziewać czego innego.

Mimo gestu protestującego Jodki-
kontynuowaliśmy. Rozumiem, że nie chce
libysiere tego, ale obiektywna breg logika
necy beđrie stłuczna, uiz nasze rycrenia
i subiektywizm zeważarōw. Nastąpi wielki
rozbrań polsko-sojyżki, a cy nie sądzicie,
że może on zrodzić w przyszłości olx

12

z naszej ze strony Rosji?"

"Czy macie to uważać jako groźbę, czy to jest żołądek."

"Nie - nie może być mowy o pogroźbach z naszej strony. Mnie w myśli nie uważa Rosja, jako kiedyś będzie. Mówię o Rosji podatkowej o dokonywaniu nowoobowiązanych rozrachunków, o Rosji, której pomoc polskie uważa uważa sprawiedliwie i tym, że widziata was występujących przez was pod skandarami Habsburgów, czy Hohenzollernów, co na pewno wychodzi."

"Żołądek wydawał się głośno wstrząsnąć. Treba było koniecznie rozmowę. Francuzi byli zbyteczni. Mówiliśmy sobie w przy-
hauie."

"Pragę nie chcę, cięguatem, że uwróci polski rozrachunek się wtedy do polityki międzynarodowego awanturactwa i że jego socjalistyczny przywódca zwróci z drogi, które was w tej chwili derła, na drogę łagodności i przyjaźni, dla dobra obu narodów, śmiem myśleć. Nie chcę mi, że wyciągnięta wtedy nasza oferta spotka się z waszym usmiechem, bez oglądania się na przeszłość, że zrobim skierowanym w przyszłość."

"Żołądek wstał i z kapeluszem w ręce niekt. Przykro mi było ustąpić nasro stowa. Chciałem wiedzieć, że jeżeli nie ucałaj

naszej partii; to przywajmurej u was
 osobiscie spotkamy sie ze zrozumieniem,
 jako u wyprobowanego przyjacela. Polski,
 ze nie skrywacie was potepujemy. Ostrze
 sie jednak, ze niolocnie Rosjanin nigdy nie
 zrozumie Polaka. My nie byliście nigdy upo-
 sobnej o naszej sytuacji. Lwaie ja rónnik
 mafo, jak ^{mafo} (męczyzna zna mękę rodnienia.

Być może jutro zachwycę się carski
 tron od kleska rosyjskiej armii; Rosjanie
 wreszcie prawie zawsze wygrawali nepo-
 rodzenia a przegrawali; ^{do} gdy carstwach wy-
 cięstw - i my zabolacie do was, abyśmy nie
 przyslabali tego momentu, za przepasćci
 obawy, uadlaniając się raz na sto lat,
 nie usitując odryshoi niepodleglosci,
 wolnosci? Tak, niem, niem - odpowiedzial
 Joolko na moj odriek protestu, - powiecy,
 ze my z ogu'a upodamy u stowien, ze
 niewola kajzera zewie trunek jest bardziej
 kulturalna od niewoli cara, ale eo to
 niewestnie bardziej niebezpieczna, jako
 podcierająca ekonomiczne podstowu
~~by~~ waszego bytu. Ale ~~stow~~ uaczym
 opieracie swoje przekonanie, ze pod-
 bowiec wojny niewola się nam wyewo-
 lic zewisku kajzera, tak jak od bawien
 caratu, portore, - niech nawet się tak
 stawie, jak przewidujecie, ale czyż nie
 mozna tu zastosowac rosyjskiego port-

obracia, ze choc' goney, to jednak
 iwoiczej; tak wtasnie napisali "rosyjska"
 czesc' Polski, o my z uiz, krew z jej krwi."
 "Juz od poczatku postawionemu poro-
 stawic' Jodce prawo ostatekogo stwa,
 ale tu nie wytnymatem i postawionemu
 me pytaniem. Jere li obodne was z rozu-
 umiatem - strogo "planu kampanii" nie wa-
 leizualisze od naszego dostosowania
 sz olo niego pner uasza party? Juczej
 moniac - stoyemy przed obowiazanym faktem,
 a nasza decyzja jest nieodwołalua? "

"Tak jest rzeczywise - pomiedzial Jodko.
 Nie mylicie sz. Mozna powiedziec -
 (los kryzysisty) ~~zreczy~~ oronen. To nchiny - wyposredzial
 jerezre killea nieskablucy ch stwa poroga
 uiz i rozeslismy sz. W kazdy m razie
 Jodko zycyruany party powodremia
 w dobrych porzucaniach. Sumienie
 moje wie powoli. To mi jednak odurzaj-
 jemnie' sz tyu samym, to teri zycyruem
 P.P.S. pnetwaciu robec orehuzycy
 ja dosuzadrem. Tego co sz stalo
 orehu'watem z obaw, a mimo to bylo
 mi me pomierue czesto."

Sprawa jennyceia Lenin pner Niemcoń Czernon podaje
 w innej wersji. (str. 316) Inicjatywa wysla od esera Natanson. Staraniem
 sznebn. i szwojcar. i se. uzyskano zgodę niem. "komendatura" (?)
 na przepuszczenie pner teryt. podnialna mem. szaplomb. szagout sz
 usna, a szrool bolszew. byl teri i eser Natanson. Lenin byl pod obstru-
 tem ros. kot' rewoluc. za kollaboracy z Niem., ale Czernon go
 szognena.